

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ ГОРОДА | ARTISTIC IMAGE OF THE CITY

[https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4\(1\)-78-92](https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4(1)-78-92)

Образ Еревана в контексте постколониального дискурса в повести Юрия Карабчиевского «Тоска по Армении»

А. Петрс-Барцумиан

Ереванский государственный университет, Ереван, Армения
petrsbartsumianan@gmail.com

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

постколониальная
литература
образ Еревана
«Тоска по Армении»
Юрий Карабчиевский
«армянский текст»

АННОТАЦИЯ

Армения на протяжении двух сотен лет либо входила в состав России, либо была под её «протекторатом». За это время сформировался целый корпус текстов об Армении, как в прозе, так и в поэзии, выделяется отдельно «армянский текст» как свертхтекст русской литературы, однако повесть Юрия Карабчиевского «Тоска по Армении» (1978), которая не могла быть напечатана в России до времён Перестройки, считается первым произведением, осмысляющим колониальный статус Армении и содержащим основные мотивы постколониального текста: утрата территорий, утрата истории и культуры, языка и проч. Русификация Армении не прошла бесследно, и это нашло отражение в том числе и в пространстве столицы республики, в образе Еревана. Всё в городе создаёт устойчивое впечатление временности, чуждости, неуместности и небрежности. Анализ основных тем, образов, мыслей и чувств героя, связанных с Ереваном в повести, приводит к выводам о том, что Ереван – это «не армянский» город, несущий в себе глубокий колониальный след на уровне организации и символики пространства, в первую очередь в архитектурном плане. Кроме того, большое внимание в статье уделяется знакам советской власти и советского присутствия в Ереване, а также роли армянского языка в культуре и пространстве города. Ереван – город, таящий в себе тоску о потерянном и отчуждённом древнем прошлом, но какое оно, это прошлое, никто уже и не может сказать, и в том числе потому, что вытесняется язык этого прошлого. Также это тоска о настоящем и будущем, в которых Армения не утратила своей культуры и истории. Ереван не соответствует статусу столицы древнего государства древнего народа, однако те изменения, которые происходят с городом на веку героя повести Карабчиевского, дают надежду на возрождение *такого* Еревана и *такой* Армении, о которых тоскуют главные герои повести и которую любят.

Для цитирования:

Петрс-Барцумиан, А., (2024). Образ Еревана в контексте постколониального дискурса в повести Юрия Карабчиевского «Тоска по Армении». *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*, 4(1), 78–92. [https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4\(1\)-78-92](https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4(1)-78-92)

The image of Yerevan in the context of postcolonial discourse in Yuri Karabchievsky's "Yearning for Armenia"

Ani Petrs-Bartsumian

Yerevan State University, Yerevan, Armenia
petrsbartsumianan@gmail.com

KEYWORDS

postcolonial literature
the image of Yerevan
«Yearning for Armenia»
Yuri Karabchievsky
«Armenian text»

ABSTRACT

Armenia has been incorporated into Russia or under its “protectorate” for two centuries. Throughout this period, a substantial body of texts about Armenia has emerged in prose and poetry, highlighting the distinctive “Armenian text” as a metatext with In Russian literature. However, Yuri Karabchievsky’s novella “Longing for Armenia” (1978), which could not be published in Russia until the times of Perestroika, is considered the first work to explore Armenia's colonial status and contain key motifs of post-colonial text: loss of territories, loss of history and culture, language, etc. The impact of Armenization is evident, notably in the capital city, Yerevan, portrayed as a space marked by impermanence, foreignness, contradiction, and negligence. An analysis of the novella’s central themes, characters, thoughts, and emotions related to Yerevan leads to the conclusion that Yerevan is inherently “non-Armenian,” bearing a profound colonial imprint in organizational structure and spatial symbolism, primarily in its architectural aspect. Furthermore, this article places significant emphasis on Soviet symbols and presence in Yerevan, as well as the role of the Armenian language in the city’s culture and space. Yerevan emerges as a city harboring a melancholy for a lost and estranged ancient past, whose specifics remain elusive, partly due to the suppression of the language of that past. It also yearns for a present and future in which Armenia has not forfeited its culture and history. Despite Yerevan’s failure to conform to the status of the capital of an ancient nation, the changes occurring in the city during the protagonist's lifetime in Karabchievsky’s novella offer hope for the revival of such a Yerevan and Armenia – longed for by the novella’s main characters and cherished by many.

For citation:

Petrs-Bartsumian, A. (2024). The image of Yerevan in the context of postcolonial discourse in Yuri Karabchievsky's "Yearning for Armenia". *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 4(1), 78–92. [https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4\(1\)-78-92](https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4(1)-78-92)

Введение

Восточная Армения была присоединена к Российской империи по итогам Туркманчайского мирного договора 1828 года, и уже в 1829 году Александр Пушкин отправился в своё путешествие по Кавказу и Закавказью, а его «Путешествие в Арзрум» (1829–1835) стало одним из первых описаний Армении в русской литературе. Получив независимость в 1918 году, Армения, однако, вскоре вновь попала под «протекторат» Москвы и с 1922 года оказалась в составе Советского государства вплоть до 1990 года. На протяжении всего этого времени многие авторы русской литературы обращались к «армянской» теме, «армянский текст» наряду с литературой о Грузии и Кавказе стал «полноценным сверхтекстом русской литературы» (Багратион-Мухранели, 2016, с. 3), однако повесть Юрия Карабчиевского «Тоска по Армении» (1978) считается первым произведением, осмысляющим колониальный опыт Армении. Во многом это связано с «the immunity of Russian literature to post-colonial critique»¹ (Thompson, 2000, p. 71), с отсутствием традиции опознания и осмысления имперского статуса России и русской литературы.

Юрий Карабчиевский (1938–1992) — поэт, прозаик, литературный критик и эссеист, исследователь Маяковского. В середине 1960-х годов опубликовал несколько стихотворений, но после событий в Праге 1968 года не публиковался в России в течение 20 лет, только за пределами СССР (наиболее известен как автор книги «Воскресение Маяковского» (1983, Мюнхен), за которую он получил премию В. Даля). Печатались в России Карабчиевского стали лишь с 1990-х годов, в 1991 впервые отдельным сборником прозы вышла книга «Тоска по дому», куда входит также и повесть «Тоска по Армении», и книга стихов и поэм «Прощание с друзьями» (1992). Творчеству писателя посвящены работы по городской прозе В. Г. Белоруковой (Белукова, 2015; Белорукова, 2016), исследования армянской культуры Е. А. Шуваевой-Петросян (Шуваева-Петросян, 2018; Шуваева-Петросян, 2021) и «армянского текста» и (пост)колониальной литературы Э. Шафранской (Шафранская, 2016; Шафранская, 2017; Шафранская, 2022).

Юрий Карабчиевский был не только писателем, но и инженером², и «Тоска по Армении» написана по следам рабочей командировки в Армению в 1978 году. В центре произведения путешествие главного героя в «загадочную и вожделенную страну» (Карабчиевский, 1991, с. 187), знакомство с писателем Грантом Матевосяном. Это повесть «об Армении и о Гранте» (Карабчиевский, 1991, с. 249) с «традиционной постколониальной сюжетикой», акцентирующей на «детерриторизации, деисторизации, утрате культурной идентификации и т. д.» (Бреева, 2017, с. 144), которое «не могло быть напечатано в идеологически-полицейском государстве» (Шафранская, 2016, с. 212). Впервые она была опубликована только спустя 10 лет в журнале «Литературная Армения» (Карабчиевский, 1988 а; Карабчиевский, 1988 б), на самом излёте советской эпохи, ведь само упоминание Карабчиевским в тексте имён Мандельштама и Кузина, погубленных советской властью, уже

¹ «Иммунитетом русской литературы к постколониальной критике» (англ.).

² «Почти всю жизнь литература и техника были для меня параллельными занятиями, только за одно платили, за другое — нет. <...> До осени 1989 года (пятнадцать лет) работал наладчиком на заводе, занимался ремонтом электронной аппаратуры». Карабчиевский в интервью С. Шаповалу. Источник: <https://iknigi.net/avtor-sergey-shapoval/164367-besedy-na-rubezhe-tysyacheletiy-sergey-shapoval/read/page-9.html>

«было скандально» (Шафранская, 2016, с. 111), не говоря о явно антисоветском тоне произведения в целом. Ереван, который герою «не нравится» (Карабчиевский, 1991, с. 265), не просто город, но воплощение колониального опыта Армении, в связи с чем важно проанализировать, как формируется образ города в повести.

Ереван (в русскоязычных текстах до 1936 года — Эривань), один из древнейших городов мира, пережив множество разрушений, стал центром сперва Армянской области (1828), а затем Эриванской губернии (1849) Российской империи, потом — столицей Первой Республики Армении (1918) и Советской Армении (1920), культурным, экономическим, политическим центром. Несмотря на свою почти трёхтысячелетнюю историю, Ереван тем не менее «относится к разряду ‘вдруг появившихся’ городов» (Степанян & Симян, 2016, с. 7). Именно в составе советского государства в 1930—1940-е годы город был вновь перестроен в соответствии с первым генеральным планом 1924 года Александра Таманяна³. Были снесены не только старые глинобитные дома (ил. 1), но и средневековые церкви, памятники истории и архитектуры (ил. 2), ведь согласно Таманяну, «ритуальный город» должен был сперва превратиться в город, затем — в столицу⁴ (Vermishyan & Barseghyan, 2022, p. 159).

Так, «великий архитектор и семиотизатор» (Степанян & Симян, 2016, с. 7), Таманян «разрушил средневековую часовню, чтобы построить на её месте своё знаменитое здание Театра оперы и балета» (Абрамян, 2010, с. 248). Ереван, город древнее Рима, уже в первой половине XX века — город без древностей. Декларируемая древность города — «память на уровне слова» (Абрамян, 2010, с. 249) — противоречит строительной практике, которая «всегда была направлена против сохранения истории города», где подавляющее большинство старых построек, «как правило, полностью перестраиваются» (Абрамян, 2010, с. 248).

Именно в таком Ереване конца 1970-х годов оказывается герой Юрия Карабчиевского.

Ил. 1. Улица Саят-Нова, 1923.

Источник: <https://www.radiovan.fm/station/article/8368>

³ См. подробнее: Маргарян, 2021; Аветян, 2022.

⁴ В оригинале: «As per A. Tamanyan's vision, a "rural town" should turn into a "city" and then into a "capital"».

Ил. 2. Церковь Погос-Петрос на месте кинотеатра «Москва», 1930-е гг.
 Источник: <https://www.radiovan.fm/station/article/8368>

Ереван глазами героя Карабчиевского

Уже в машине на пути из аэропорта Юрий пытается увидеть что-то характерное для Армении, новое, необычное, неожиданное — *другое*, отличное от Москвы и России, но ничего такого нет: «Я жадно ищю глазами чего-нибудь - эх! - такого, но такого особенного нет ничего» (Карабчиевский, 1991, с. 192). Однако, герой не спешит расстраиваться, списывает своё *невидение* «особенного» на свою же невосприимчивость: «Впрочем, быть может, я просто не вижу, я чувствую крайнее возбуждение, я слишком много думал об этой поездке. Шутка сказать — Армения!» (1991, с. 192). Но и дальше, по мере приближения к Еревану, героя ничто не удивляет, как ни пытается обратить его внимание спутник Тигран: «Поворот на Эчмиадзин! — он вскидывает руку. Я дёргаюсь, но ничего не вижу. <...> Завод “Арарат”! — он вскидывает руку. Огромная кирпичная тюремного вида стена без окон...» (1991, с. 192). Уже в самом Ереване, гуляя по городу, Юрий окончательно убеждается, что приехал не в тот Ереван, о котором читал, думал и мечтал: «Я смотрю по сторонам и ничего не понимаю. Нет, не так я представлял себе этот город» (1991, с. 194). И тут же герой проговаривает, что именно не так с Ереваном: «Прежде всего — какой-то он не армянский» (1991, с. 194).

«Не армянский» он, во-первых, потому что видится необжитым, заполненным людьми, насильно переселёнными сюда (практика, вовсе не чуждая советской власти). Ереван не похож на чей-то родной город, в нём все — приезжие, неродные, «будто все не отсюда: не привыкли, не прижились» (Карабчиевский, 1991, с. 194). Не только жители к городу, но и сам город, дома и улицы в свою очередь «не привыкли» к людям (с. 194). Ничего старше времён первых пятилеток герой в городе не видит, и «даже самые старые и обжитые» (1991, с. 194) строения кажутся временными постройками.

Во-вторых, город видится чужим, «*другим*» (курсив — А.П.-Б.) (Карабчиевский, 1991, с. 194) из-за архитектуры, которая «была в основном никакая, просто

среднесоветская» (1991, с. 194) с рядами «серых блочных домов» (1991, с. 273), с «безликостью огромной пустой современной улицы» (1991, с. 273). Квартира, в которую поселили героев, находится в «плоскостенном, конструктивистского времени доме» — «огромный квадрат с *пустой сердцевиной*» (курсив — А.П.-Б.), — занимающем «целый квартал» (1991, с. 196). Квартира узкая, бедная, со «старой и убогой» мебелью (1991, с. 194). Символично, что герой, как выяснится позже, живёт «очень близко» (1991, с. 253), «почти на одной улице» (1991, с. 245) с писателем Грантом Матевосяном, встреча с которым многое значила для Юрия и была чуть ли не главной целью путешествия. Под почти искусственным предлогом передать книги от общего московского приятеля Юрий лично знакомится с Матевосяном, и, придя в гости к писателю, видит развернувшуюся вовсю стройку у «большого нового дома» в центре города: «строительный хлам, доски, извѣстка, ржавое железо» (1991, с. 253). Дом хоть и новый, но мало чем отличается от типичных хрущёвок, строящихся по всему СССР (ил. 3).

Ил. 3. Дом 49 по улице Пушкина, в котором жил Г. Матевосян⁵.
Источник: личный архив автора.

О своей только что полученной квартире в центре города так говорит Грант Матевосян: «прекрасная квартира, четыре комнаты, только мечтать, живи и радуйся, отвратительно сделана, невозможно жить. Двери и окна не закрываются, плитусы отходят, отделка отваливается, трубы текут, и в стенах щели шириной с палец» (Карачиевский, 1991, с. 253–254). Одинаковые монументальные бездушные кубы, «унылое серое пятиэтажье» (Карачиевский, 1991, с. 220) снаружи — с узкими лестницами, обшарпанными потрескавшимися стенами, тесными квартирами-развалинами внутри: таково большинство зданий в городе, которые видит и посещает герой.

⁵ Автор статьи выражает огромную благодарность Давиду Матевосяну за предоставленные сведения.

Неуместность архитектурных элементов, несоответствие окружающему фону, несочетаемость с окружающим не раз подчёркивается героем. Такими неуместными «в этом каменном городе, да ещё на <...> центральной улице» (Карабчиевский, 1991, с. 237) является и «длинный деревянный забор» у Музея истории города (1991, с. 237), и «кафетерий вместе с кинотеатром — образец новейшей архитектуры», не вяжущийся «с окружающим: в ажурные, фигурные и какие там отверстия проглядывают грязные соседние стены, и всюду рядом с фасадом — испод» (1991, с. 202), и «такой модерн, такой вызывающе смелый поиск, что просто поражаешься, как разрешили» (1991, с. 233) рядом с монументальными правительственными зданиями и «самодельными жилыми сараями, занавешенными какими-то тряпками», а далее «рядом — общественная уборная, к которой на выстрел не подойдёшь» (1991, с. 232). И то же ощущение временности «незаконченности, недостроенности, какой-то брошенности впопыхах», всё сделано на скорую руку, неаккуратно, «грубо», «халтурно» (1991, с. 202). Ереван конца семидесятых — «серенький средне-советский город, изо всех сил прущий в столицы. Отсюда этот пышный провинциальный замах, такая назойливая монументальность среди трущоб и всеобщей незавершённости» (1991, с. 232). Это город, расчерченный, со слов героя, «прямоугольно» (Карабчиевский, 1991, с. 200), то есть выстроенный искусственно, при том «выполнено всё очень небрежно и с фоном совершенно не сочетается, и от замысла остаётся лишь вызов и всё тот же провинциальный замах» (1991, с. 233).

Ещё одна примета, хоть и ожидаемая, но застающая героя врасплох — «эти красивые полотнища по краю крыш...» (Карабчиевский, 1991, с. 194), формальные знаки советской власти. Несмотря на то что написано всё по-армянски, «всё понятно, не надо знать языка» (1991, с. 194), чтобы прочесть лозунги КПСС — текст такой же, что и на растяжках в Москве, Киеве, Баку... Герой испытывает разочарование, ведь приехав из Москвы в другую — казалось — республику, он на деле никуда не уехал. «Всё привычно, всё как везде» (Шафранская, 2019, с. 205).

Ил. 4. Площадь Ленина (Площадь Республики), 1960-е годы.
Источник: <https://www.radiovan.fm/station/article/8368>

Архитектура является таким же индикатором политического, как и другие элементы города и городской жизни. Определённые пропорции, стиль, соседство архитектурных элементов, включение бетонных конструкций в целом в городской пейзаж могут сами по себе считываться как метафоры государства или политической системы (Rivera-Lutar, Castillo, 2023, p. 2). Советская власть явлена в Ереване не только в виде полотнищ и зданий в сталинском стиле. Центральные улицы и площади города символично переименованы, лишены названий, связанных с армянской историей, независимостью (проспект Маштоца сперва переименовали в проспект Сталина, затем — «разумеется, Ленина» (Карабчиевский, 1991, с. 194), площадь Республики в 1940-е была переименована в площадь имени Ленина), на центральной площади стоит огромный памятник Ленину (ил. 4).

«Официоз» такой, пишет герой, что «выходишь, допустим, на площадь Ленина — и сразу хочется предъявить документы» (Карабчиевский, 1991, с. 232). Далее герой признаётся, что не любит памятники и боится их. И не удивительно, ведь «установка памятников в советской истории воспринимается как властное “принуждение и навязывание, насилие над свободой оценок и мнений”» (Шафранская, 2019, с. 206) — «скульптура на площади — это антиобраз, она давит чувство и воображение своей безоговорочной определённой, тяжёлой конкретностью, однозначным наличием» (Карабчиевский, 1991, с. 291). Единственный памятник, который «потрясает» героя (1991, с. 292) — мемориальный комплекс, посвящённый жертвам геноцида армян, построенный по проекту архитекторов Артура Тарханяна, и Сашура Калашяна. «В нём нет попытки изобразить события, <...> нет рассказа, <...> нет никакой прямой символики, <...> никакой театральности» (1991, сс. 292–293) — «но есть ощущение скорби (выделение — Ю.К.)» (1991, с. 293). И действительно, несмотря на различные предположения о символизме комплекса, Сашур Калашян говорит в интервью: «не нужно искать какие-либо скрытые символы» в архитектуре мемориала — «перед нами стояла эстетическая задача и только» (Калашян, 2017). Памятник — «месса в память безвинно погибших» (Калашян, 2017) — возвышается над городом «оставшихся в живых (выделение — Ю. К.)» (Карабчиевский, 1991, с. 293). Примечательно, что мемориал был построен на холме Цицернакаберд и открыт в 1967-м году — напротив другого холма, где расположен Матенадарян, хранилище рукописей, и на вершине которого с 1950-го по 1962-й годы «возвышался громадный памятник Сталину» (Абрамян, 2010, с. 251), и в том же 1967-м его место занял монумент «Мать Армения» (ил. 5, 6).

Так Сталин утратил «доминирующее положение в пространстве», а также «власть над проспектом» и Ереваном (Абрамян, 2010, с. 251), а «Матенадарян как маркер национальной идентичности выиграл (хотя и пассивно) битву за место и господство, можно сказать, у особой религии, каковой фактически являлась коммунистическая идеология» (Абрамян, 2010, с. 253). «Мать Армения» герою Карабчиевского так же не нравится (Карабчиевский, 1991, с. 284), но то, что место «отца народов», «вождя СССР» заняла *мать*⁶, и именно Армении, пусть и с мечом в руке вместо книги — символ важных изменений в республике. Следующий этап освобождения пространства Еревана произойдёт в 1990-е, когда будет демонтирован памятник Ленину, а площадь и проспект вернут свои первоначальные названия.

⁶ Подробнее о феминном образе армянских городов см.: [Vasilyan, 2023].

Ил. 5. Памятник Сталину, 1950–1962-е гг. (слева).

Ил. 6. Монумент «Мать Армения», 1967 (справа).

Источник: <https://clck.ru/3B4Wom>.

Армянские имена с русскими суффиксами, обращение по отчеству, не принятое в Армении, – ещё одно из проявлений советского «официоза», «ярко выраженная подчинённость, клеймо государственности на лбу» (Карабчиевский, 1991, с. 191). От исковерканных русифицированных армянских имён, типа Тигранович, Овиковна, Иван вместо Ованеса «пахнет паспортом, здесь прописка, военно-учётный стол, первый отдел, восемь страниц анкеты и прочие наши дела. И вместе с тем – какая-то несерьёзность, пародийность, издёвка, унижительная игра» (1991, с. 191), которая превращает гордое героическое Сасунци Давид в насмешливое псевдонерусское Давид Сасунский.

Русификация Армении – один из идентификаторов её колониального статуса, запечатлённый и в пространстве Еревана. Внедрение русского языка как титульного стало политикой советского государства с 1930-х годов сперва на территории РСФСР, затем в остальных республиках, в 1935 году «был поставлен вопрос о переводе языков народов СССР на кириллицу» (Даудов & Мамышева, 2011, с. 11). Армении, одной из немногих республик, удалось сохранить свою письменность. Тем не менее, несмотря на то что «до июля 1934 года, когда стал выходить по-русски «Коммунист», во всей республике не выходило ни одной газеты на русском языке!» и «русскоязычный “культурный слой” в Эривани» был не особо значим (Нерлер, 2015, с. 129), а русский стал изучаться в школах с первого класса лишь с 1958 года, уже к концу семидесятых армянский в Армении можно и вовсе не знать. Пускай ещё в аэропорту, как обращает внимание герой повести, «говорили все не по-русски» (Карабчиевский, 1991, с. 190) и на улице «русской речи не было слышно нигде» (1991, с. 200), герои не испытывают неудобства: «здесь, в Ереване, мне что нравится: говоришь – и все тебя понимают», признаётся коллега Юрия (1991, с. 202),

и позже сам Юрий: «непонятная речь не вызывала тоску отчуждения, — я ведь знал, что могу спросить и меня поймут» (1991, с. 270). Все вывески «на двух языках» (1991, с. 192), и не только в Ереване. Может показаться, что русификация Армении не состоялась, ведь русский язык на улицах и вывесках не вытесняет армянского, он лишь переводит — или всё же армянский переводит русский?

Русский вытесняет армянский как язык официальной коммуникации: «Всё делопроизводство — только по-русски», «документы, письма, две машинки... Русский шрифт! И опять русский!» (Карабчиевский, 1991, с. 193). Сперва это удивляет героя, но он тут же себя поправляет: действительно, «куда им писать по-армянски?» (1991, с. 193). Кроме того, русский пытается вытеснить армянский как язык общения, образования, науки и культуры: «по-русски говорили и писали в наркоматах (отчётность) и вузах (научная литература, общение с коллегами)» (Нерлер, 2015, с. 131) уже ко времени посещения Армении Осипом Мандельштамом летом 1930 года. У многих «здешних новоиспечённых интеллигентов» принято отдавать детей в русские школы, «потому что это облегчает дальнейшую учёбу и всё последующее продвижение» (Карабчиевский, 1991, с. 264) — потому что центр страны не Ереван, центр — Москва. И это «бедствие для Армении» (1991, с. 264). Разве что литература продолжает создаваться на армянском, но она, разумеется, не может не испытывать влияния русского языка и русской культуры, с одной стороны, и получает недостаточно поддержки на государственном уровне, с другой. «Армянская машинка — это редкость» (1991, с. 193), впервые герой, проводящий каждое утро командировки в институте, видит её дома у Гранта Матевосяна. Но Матевосян — это писатель с большой буквы, говорящий на таком нерусском русском языке, которого Юрий «ещё в Ереване не слышал» (1991, с. 244). Он — воплощение образа настоящего национального писателя (пусть и «писателя без читателя» (1991, с. 255), как он сам о себе говорит), который хорошо знает только один свой родной язык. Потому что знать понемногу и армянский, и русский, как это стало распространено среди многих армян позднего советского периода, — значит не знать ни одного, по мнению героя: «в русских школах преподают с армянским акцентом, а в быту не читают и не пишут по-армянски, и люди выходят в конце концов полуграмотные, не приобщённые ни к тому, ни к другому, по сути — люди без языка» (1991, с. 264). Однако тот же Матевосян — «последний одинокий писатель у крохотного, вымирающего народа, с вымирающей, уже мёртвой культурой» (1991, с. 255), как говорит о нём Юрий, — скорее исключение среди писателей и армянской интеллигенции вообще, а для «армянского текста» прозы Битова и Карабчиевского ставший своего рода обязательным символом Армении наряду с Араратом. Матевосян в повести воплощает не только образ национального писателя, но и сердце Армении. Как Матевосян не городской, но в большей степени деревенский писатель, так и сердце Армении не в городе, но за его пределами. Не удивительно, что именно Матевосян первый и единственный, кто разделяет впечатления героя от Еревана: «“Ужасный город! — он хватается за голову. — Ужасный, ужасный! Это просто вообще не Армения”» (1991, с. 265). На вопрос о том, «где же Армения, если не в Ереване, то где?» (1991, с. 265), писатель отвечает: «не знаю, где Армения <...> Нет Армении, Юра, где ни ищи, есть только наша тоска по Армении!» (1991, с. 266), дав тем самым название для повести. «Тоска по Армении» — это «тоска по уходящей культуре, по вековым ценностям и одновременно — возмущение навязанной моделью жизни, возмущение, перешедшее в тоску-печаль, которая проникла во все

сферы бытия» (Шафранская, 2019, с. 206). Кто же виноват в случившемся с Арменией? «Россия-матушка, крепка твоя лапушка...» (Карабчиевский, 1991, с. 271), — даёт ответ Юрий.

Единственное место, где армянский занимает безоговорочное первенство — кладбище: «памятники все, как один, в основном завитые армянские кресты и такие же завитые армянские буквы. Только цифры — наши, то есть, конечно, арабские. Русской надписи нет ни одной, и я ловлю себя на том, что мне это странно. Странно думать, что кому-то легче написать по-армянски, чем по-русски. Или даже по-русски совсем невозможно, а только по-армянски» (Карабчиевский, 1991, с. 212). Армянское кладбище, кажется, одно из немногих мест, где государственное не может взять верха над частным.

Противопоставление «наши» как общие для СССР, русские / «армянские» (ср.: «наша полуголодная страна» (Карабчиевский, 1991, с. 259) / «все они здесь, что ли, такие добрые?» (курсив — А. П.-Б.) (1991, с. 193); «очередь — наш русский девиз» (Карабчиевский, 1991, с. 216) / «они — наоборот, они молодцы», потому что нарушают правила стояния в очереди (1991, с. 218); рукотворный Кремль как «символ могущества, власти, владения» / Арарат как «Божье творенье, часть Армянской земли, символ потери...» (1991, с. 221); честные деляги, «добывающие свои законные тысячи в обход беспардонных наших законов» (курсив — А. П.-Б.) (1991, с. 271) является вариантом оппозиции «свой» / «чужой». Такая оппозиция, в конце концов, возвращает городу и стране статус «не русского», пусть и с большим количеством оговорок. Сам герой Карабчиевского ещё в начале признаётся, что «это потом уже, бродя неторопливо пешком» они с коллегой «обнаружили узловатые улочки, из которых пунктиром возник рисунок *такого*, а не *другого* города» (курсив — А. П.-Б.) (1991, с. 194). Такой Ереван — это армянский город, такой, что воспели Мандельштам и Битов, с его сказочными внутренними двориками — и в который изначально и ехал Юрий. Он остался спрятанным во дворах и узких улицах, но не исчез совершенно. В финале повести герой приходит к мысли о том, что Армения не в Ереване, но и не в Гехарде, Эчмиадзине или Гарни — Армения в любви и в тоске по ней тех, как любит её и тоскует по ней так, как любит и тоскует Грант Матевосян, — «это и есть Армения, и она более реальна, чем дома и леса, потому что она неизменна и вечна» (1991, с. 295). Таким образом герой будто пытается освободиться сам и освободить армян и Армению он колониального гнёта, утверждая превосходство свободы духа и любви над тиранией власти. Ни уродливые сталинки, ни красные полотнища, ни чудовищные памятники и русский шрифт не смогут стереть Армению из сердца и памяти тех, кто её любит и тоскует о той, *такой* Армении.

В итоге, Ереван в повести Юрия Карабчиевского — «город не блеск» (Карабчиевский, 1991, с. 233), с явными следами колониальности — лицо этой колониальной истории Армении. Архитектура, пространство города скорее советские, нежели Армянские — а значит, никакие. Всё в городе создаёт устойчивое впечатление временности, чуждости, неуместности и небрежности. Ереван — город, таящий в себе тоску о потерянном и отчуждённом древнем прошлом, но какое оно, это прошлое, никто уже и не может сказать, и в том числе потому, что вытесняется язык этого прошлого. Также это тоска о настоящем и будущем, в которых Армения не утратила своей культуры и истории. Ереван в глазах героя повести Юрия Карабчиевского не соответствует статусу столицы древнего государства древнего народа, однако те

изменения, которые происходят с городом на веку героя, дают надежду на возрождение *такого* Еревана и *такой* Армении.

Библиография

- Абрамян, Л. А. (2010). Ереван: память и забвение в организации пространства постсоветского города. *Антропологический форум*, 12, 248–271.
- Аветян, А. А. (2022). Некоторые социально-экономические проблемы современного города и пути их решения (на примере Еревана). *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*, 1(2), 101–118. [https://doi.org/10.34680/urbis-2022-1\(2\)-101-118](https://doi.org/10.34680/urbis-2022-1(2)-101-118).
- Багратион-Мухранели, И. Л. (2016). Репрезентация Грузии и Кавказа в русской литературе XIX – начала XX века. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук.
- Белукова, В. Б. (2015). Экзистенциальные мотивы в городской прозе Юрия Карабчиевского. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*, 6, 75–80.
- Белукова, В. Б. (2016). «Городская» проза Ю. Карабчиевского: автор и герой. *Пушкинские чтения – 2016. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст. Материалы XXI международной научной конференции*. (с. 290–296). Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина.
- Бреева, Т. Н. (2017). Постколониальный дискурс в современной русской литературе. *Филология и культура*, 2(48), 139–145.
- Даудов, А., & Мамышева, Е. П. (2011). Из истории латинизации национальных алфавитов СССР. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*, 2, 7–12.
- Калашян, С. (2007). Мемориальный комплекс не таит в себе никакой скрытой нумерологической символики. <http://news.genocide.ru/2007/11/29/449.htm>.
- Карабчиевский, Ю. (1988 а). Тоска по Армении. *Литературная Армения*, 7, 56–88.
- Карабчиевский, Ю. (1988 б). Тоска по Армении. *Литературная Армения*, 8, 65–91.
- Карабчиевский, Ю. (1991). *Тоска по дому*. Слово.
- Маргарян, Е. Г. (2021). Урбанистические проблемы Еревана: мысли о немыслимом. *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*, 1, 37–76. <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-37-76>.
- Нерлер, П. (2015). «Путешествие в Армению» и путешествие в Армению Осипа Мандельштама: попытка реконструкции. *Знамя*, 11, 123–152.
- Степанян, А. А., & Симян, Т. С. (2016). Ереван как семиотический текст (опыт реконструкции «начала» и «конца» проспекта Маштоца). *Критика и семиотика*, 16, 6–16.
- Томпсон, Э. (2007). Имперское знание: русская литература и колониализм. *Перекрестки*, 1–2, 32–75.
- Шаповал С. (2018). *Беседы на рубеже тысячелетий*. Новое литературное обозрение.
- Шафранская, Э. (2016). Антисоветский дискурс в травелоге «Тоска по Армении» Юрия Карабчиевского. *Травелог: рецепция и интерпретация*. (с. 111–124). Своё издательство.
- Шафранская, Э. (2017). Неподцензурная Армения Юрия Карабчиевского. *Русский язык в Армении*, 6(109), 39–44.
- Шафранская, Э. Ф. (2019). Колониальная и постколониальная литература: терминология и содержание. *Филология и культура*, 1(55), 203–211.

- Шафранская, Э. Ф. (2022). «Армянский текст: дети Иова». *Полилингвильность и транскультурные практики*, 19(3), 511–520.
- Шуваева-Петросян, Е. А. (2018). Психологический аспект восприятия армянского национального мышления и языкового феномена в повести Юрия Карабчиевского «Тоска по Армении». *Cross-Cultural Studies: Education and Science*, 3, 69–73.
- Шуваева-Петросян, Е. А. (2021). Армянский алфавит в восприятии О. Мандельштама, А. Битова и Ю. Карабчиевского. *Актуальные проблемы культуры современной русской речи. Материалы XV Всероссийской научной конференции с международным участием*. (с. 144–147). Армавирский государственный педагогический университет.
- Rivera-Lutap, J. A., & Castillo, J. B. A. (2023). From power to architecture: An analysis on the identity transformation of Tagaytay people's park in the sky through edifice complex and democratization theory. *City Territ Archit*, 10(31), 1–21. <https://doi.org/10.1186/s40410-023-00217-1>.
- Thompson, E. M. (2000). *Imperial knowledge: Russian literature and colonialism*. Greenwood Press.
- Vasilyan, V. O. (2023). The image of the city in Armenia: Anthropological perspective. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 3(1), 82–96. [https://doi:10.34680/urbis-2023-3\(1\)-82-96](https://doi:10.34680/urbis-2023-3(1)-82-96).
- Vermishyan, H., & Barseghyan, L. (2022). Yerevan center urban parks and garden squares: Places for people, places of meanings. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 1(2), 157–184. [https://doi.org/10.34680/urbis-2022-1\(2\)-157-184](https://doi.org/10.34680/urbis-2022-1(2)-157-184).

References

- Abramian, L. A. (2010). Yerevan: Memory and forgetting in the organization of post-Soviet urban space city. *Anthropological Forum*, 12, 248–271. (In Russian).
- Avetyan, A. A. (2022). Some socio-economic problems of a modern city and ways to solve them (by the example of Yerevan). *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 1(2), 101–118. [https://doi.org/10.34680/urbis-2022-1\(2\)-101-118](https://doi.org/10.34680/urbis-2022-1(2)-101-118). (In Russian).
- Bagratiyan-Mukhraneli, I. L. (2016). *Representation of Georgia and the Caucasus in the 19th to the early 20th century Russian literature*. Doctoral dissertation abstracts for the degree of Doctor of Philological Sciences. (In Russian).
- Belukova, V. (2015). Existential motives in the city prose of Yuriy Karabchievskiy. *Bulletin MSRU. Russian Philology*, 6, 75–80. (In Russian).
- Belukova, V. B. (2016). The «urban» prose of Y. Karabchievsky: The author and the hero. *Pushkin Readings – 2016. Artistic Strategies of Classical and New Literature: Genre, Author, Text. Proceedings of the XXI International Scientific Conference*. (pp. 290–296). Pushkin Leningrad State University. (In Russian).
- Breeva, T. N. (2017). Postcolonial discourse in contemporary Russian Literature. *Philology and Culture*, 2(48), 139–145. (In Russian).
- Daudov, A., & Mamysheva, E. P. (2011). On the history of alphabet Latinization in the USSR. *Bulletin of St. Petersburg University. History*, 2, 7–12. (In Russian).
- Kalashyan, S. (2007). *The memorial complex holds no hidden numerological symbolism*. <http://news.genocide.ru/2007/11/29/449.htm>. (In Russian).
- Karabchievsky, Y. (1988 a). Yearning for Armenia. *Literary Armenia*, 7, 56–88. (In Russian).

- Karabchievsky, Y. (1988 b). Yearning for Armenia. *Literary Armenia*, 8, 65–91. (In Russian).
- Karabchievsky, Y. (1991). *Yearning for Home*. Slovo. (In Russian).
- Margaryan, Ye. (2021). Urban problems of Yerevan: Thoughts about the unthinkable. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 1, 37–76. <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-37-76>. (In Russian).
- Nerler, P. (2015). «Journey to Armenia» and Osip Mandelstam's journey to Armenia: An attempt at reconstruction. *Znamya*, 11, 123–152. (In Russian).
- Rivera-Lutap, J. A., & Castillo, J. B. A. (2023). From power to architecture: An analysis on the identity transformation of Tagaytay people's park in the sky through edifice complex and democratization theory. *City Territ Archit*, 10(31), 1–21. <https://doi.org/10.1186/s40410-023-00217-1>.
- Shafranskaya, E. (2016). Anti-Soviet discourse in the travelog «Longing for Armenia» by Yuri Karabchievsky. *Travelogs: Reception and Interpretation*. (pp. 111–124). Svoyo Publishing. (In Russian).
- Shafranskaya, E. (2017). The uncensored Armenia of Yuri Karabchievsky. *Russian Language in Armenia*, 6(109), 39–44. (In Russian).
- Shafranskaya, E. F. (2019). Colonial and postcolonial literature: Terminology and content. *Philology and Culture*, 1(55), 203–211. (In Russian).
- Shafranskaya, E. F. (2022). «The Armenian text: Job's Children». *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19(3), 511–520. (In Russian).
- Shapoval, S. (2018). *Conversations at the turn of the Millennium*. New Literary Observer. (In Russian).
- Shuvaeva-Petrosyan, E. A. (2018). The psychological aspect of the perception of the Armenian national thinking and linguistic phenomenon in the story by Yuri Karabchievsky «Toska po Armenii». *Cross-Cultural Studies: Education and Science*, 3, 69–73. (In Russian).
- Shuvaeva-Petrosyan, E. A. (2021). The Armenian alphabet in the perception of O. Mandelstam, A. Bitov, and Y. Karabchievsky. *Actual Problems of the Culture of Modern Russian Speech. Materials of the 15th All-Russian Scientific Conference with International Participation*. (pp. 144–147). Armavir State Pedagogical University. (In Russian).
- Stepanyan, A. A., & Simyan, T. S. (2016). Yerevan as a semiotic text (the experience of reconstruction of the “Beginning” and “End” of Mashtots Avenue). *Critique and Semiotics*, 16, 6–16. (In Russian).
- Thompson, E. M. (2000). *Imperial knowledge: Russian literature and colonialism*. Greenwood Press.
- Thompson, E. M. (2007). Imperial knowledge: Russian literature and colonialism. *Perekrestki*, 1–2, 32–75. (In Russian).
- Vasilyan, V. O. (2023). The image of the city in Armenia: Anthropological perspective. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 3(1), 82–96. [https://doi:10.34680/urbis-2023-3\(1\)-82-96](https://doi:10.34680/urbis-2023-3(1)-82-96).
- Vermishyan, H., & Barseghyan, L. (2022). Yerevan center urban parks and garden squares: Places for people, places of meanings. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 1(2), 157–184. [https://doi.org/10.34680/urbis-2022-1\(2\)-157-184](https://doi.org/10.34680/urbis-2022-1(2)-157-184).

Информация об авторе

Ани Петрс-Барцумиан
докторант
кафедра Истории армянской литературы и теории
литературы имени академика Гранта Тамразяна
Ереванский государственный университет
Армения, 0025, Ереван, ул. Алека Манукяна, 1
ORCID: 0000-0002-2720-6522
Scopus AuthorID: 58102961700
e-mail: petrsbartsumianan@gmail.com

Information about the author

Ani Petrs-Bartsumian
PhD student
The Chair of History and Literary Criticism of
Modern Armenian Literature
Yerevan State University
1, Alex Manoogian St., Yerevan, 0025, Armenia
ORCID: 0000-0002-2720-6522
Scopus AuthorID: 58102961700
e-mail: petrsbartsumianan@gmail.com

Материал поступил в редакцию / Received 20.02.2024
Принят к публикации / Accepted 29.03.2024